

не служить мощным препятствием для какой бы то ни было пропаганды, идущей из за границы.

В данном случае, мы просто констатируем факт, и пусть не подумают читатели наши, что мы собираемся дать совет людям, с нами не согласным в принципе, прикидываться не тем, чем они являются на самом деле. Из этого все равно ничего не вышло бы: «шила в мешке не утаишь».

Таковы наши взгляды, касающиеся данного момента, когда внешняя война представляется лишь более или менее вероятной угрозой.

Но что же надо будет делать в том случае, если война вспыхнет на самом деле?

Мы не знаем ни обстановки, которая сложится в тот момент, ни состава, ни соотношения действующих сил, ни устремлений этих сил, ни наших собственных возможностей, ни неустрашимых необходимых, которые, может быть, будут давить на нас. И мы нашли бы совершенно бесполезным занятием попытки предугадать все это. Но мы с полной определенностью можем сказать, что при любых обстоятельствах, мы останемся верными своим основным принципам и всеми помыслами своими, и всеми силами своими будем стремиться, прежде всего, к победе нашей родины над ее внешними противниками.

С. Попандуло.

В России и в эмиграции

1. Сталинизм

Сталинизм! Несомненно данный исторический период в жизни нашей страны характеризуется личностью Сталина.

Что такое Сталинизм, в чем его основные и характерные черты, каково его будущее? Вот вопросы, которые ежедневно ставятся и на которые никто ясно и определенно ответить не может.

За последние месяцы все карты оказались как бы вновь совершенно спутаны, и Русская проблема встала опять перед всем миром огромной и довольно жуткой загадкой. Наступил период полного недоумения. Понять происходящее в России очень трудно, настолько запутаны, противоречивы и невероятны факты. Признаться надо в этом всем, и особенно тем, кто слишком быстро хотел забежать вперед, в казалось уже не столь далекое, лучшее Русское будущее.

Еще недавно казалось очевидным, что Россия вышла, наконец, или выходит, из полосы внутренних потрясений и что дальнейшее

ее развитие пойдет по пути быстрого оздоровления, что страна освободится от всех отживших теорий, всех пережитков междоусобия, предрассудков и привычек устаревшего революционного прошлого.

Действительно, изживание марксистских реакционных пережитков шло такими быстрыми темпами, нарастание нового Русского мира было столь очевидно, что хотелось уже дать полную волю оптимизму и думалось, что пора мучительного беспокойства о судьбе нашей родины отошла в прошлое.

Новый стиль жизни, новые мысли, новые люди были предвестниками новых исторических путей. Борьба Сталина со старыми поколениями большевиков-марксистов-ленинцев все эти положения только подтверждала. Были в эмиграции и такие направления национальной мысли, которые (в противовес реакционному пессимизму) особенно оптимистически смотрели вперед и готовы были уже, хотя бы психологически, из-за излишнего «сверхреализма», пойти навстречу новому миру вплоть до признания Сталина и его режима, отдавая должное его исторической роли в национализации революции. Для некоторых антикоммунистически настроенных современно-мыслящих Русских националистов все увеличивающееся сходство между Сталинизмом и, близким ему по психологии и по методам управления, фашизмом — оказалось соблазном.

За последние же месяцы все вновь авержены в мучительное недоумение относительно того, что творится в нашей стране.

Первым тяжелым ударом был роковой разгром верхов Красной Армии, на которую возлагалось столько надежд. Казалось, что Армия уже являлась той твердыней, о которую разобьются все вредительские и антинациональные действия от кого бы они не исходили. Думалось, что сам Сталин на поводу... Казалось, границы нашей страны в полной безопасности, что увеличивавшееся влияние Армии так или иначе предопределяет дальнейший ход событий... И вот, вдруг, проблема обороноспособности, проблема самого нашего национального существования вновь встала со всей силой своей жуткой неизвестности.

Весь период нового террора, новой неразберихи во всех хозяйственных организациях, нового натиска на Церковь, в перемену с треском марксистских устаревших лозунгов и «ура-патриотических» выкриков, с обожествлением «легендарного отца и вождя народов» и с подготовкой к выборам по новой «самой демократической конституции» — все это завязало такой путанный узел, что бессмысленно искать логической последовательности происходящих там фактов. Разгадку надо, очевидно, искать не в логике, а в психологии.

Пессимистом становиться, естественно, незачем, но излишний оптимизм также неуместен. На внутреннем фронте — неразбериха, а на внешнем — тучи сгущаются. Уже Япония воспользовалась слабостью Советского Союза и, позондировав лодку на амурских островах (которые так постыдно отдали), бросилась завоевывать Китай, прочищая себе дорогу, через северные провинции, к сердцу Сибири. Фашистские страны заключают «священный союз» борьбы с коммунизмом, а союзники Советского Союза начали сильно сомневаться в его военной, политической и экономической стойкости в

случае вооруженного конфликта. Дружба с СССР принимает все более и более «узко-тактический» характер и прочность ее сомнительна. Если при этом в Испании утвердятся фашистский строй, (1), дружественный Германии и Италии, Франция и Англия настолько будут поглощены своими заботами, что разрешение вопроса мира на западе путем перенесения опасности войны на восток окажется весьма вероятным. Кроме того, в центральной Европе можно опасаться больших осложнений, которые еще ухудшат положение СССР.

Вместо того, чтобы использовать свое, еще не так давно, выгодное международное положение, Советский Союз теперь как бы перестает совершенно интересоваться внешней политикой и захлебывается во внутренней борьбе. В преддверии войны — факт весьма тревожный.

Но что же вызывает эту борьбу? Чем руководствуется Сталин? Что думает ведущий отбор?

Теперь кое что становится более ясным.

Сталин уже не раз удивлял нас своими «революциями» сверху. Он как бы периодически устраивает перевороты и, сам находясь у власти, старается еще и еще захватить власть в свои руки. В каком то смысле он осуществляет перманентную революцию («в одной стране!»). Получается впечатление, что он помешался на каком то своем профессиональном «коронном номере», который ему постоянно отлично удается. Почти зверинный инстинкт подсказывает ему движение жизни и он не хочет никому другому дать перевернуть новую страницу истории: «я сам все сделаю». Он уверен, что он единственный правильно понимает как вести Русскую революцию, он убежден, что все кроме него могут ошибаться и изменить, он берет всю ответственность на себя одного и никому ничего не доверяет. Тактик подполья он, стоя во главе государства, ведет у себя же подпольную работу, пронизывая все и вся, все учреждения, все государственные органы тайными агентами. Организуя, он одновременно всюду создает свои «внутренние линии» (пользуюсь модным, характерным термином), готовые взорвать и «захватить власть» при первом подозрении. Идеологически абсолютно тупой и неразборчивый, он создает величайший идеологический хаос, пользуясь самыми противоречивыми идеями в своих тактических целях — «по нюху». С одной стороны, желая опереться на здоровый патриотизм, он ищет опоры в славном историческом прошлом России, «устанавливая контакт» с былыми национальными героями, с другой стороны он упрямо держится за... марксистские догматы, позволяющие называться «отцом народов» и вождем мирового пролетариата. Он практически свел идеологию к своему кулаку, который для него, очевидно, представляет единственно надежную и реальную силу. Надо признаться, кулак у него, действительно, стальной!

Современный диктатор, некультурный, азиатской психологии, продукт марксистского воспитания — вот Сталин.

(1) Установление в Испании социалистическо-монархического строя было бы наилучшим разрешением современной испанской проблемы, как с точки зрения внутри-испанской, так и с точки зрения международно-политической.

Ужас, что надвигающийся новый мир грозит смерти его самого, он методично отрезает ему голову и на обезглавленном туловище водворяет свой кулак.

Не приходится сомневаться в том, что за последнее время на советских верхах назревал какой-то нарыв. Здесь наверное тесно переплелись недовольства, как старых, так и новых большевиков. Теперь уже не приходится сомневаться и в том, что Сталин уничтожает все то, что могло ему угрожать. В настоящий момент он является полным хозяином положения. Очевидно, выборы должны его в этих правах и утвердить.

Забрав в руки ГПУ при помощи Армии, а Арию при помощи реорганизованного ГПУ, Сталин сейчас громит весь устаревший аппарат, не стесняясь никакими препятствиями. Пугалом служат выборы. Затем начнется, очевидно, «демократическая эра» под «мудрым руководством» вождя и новый этап «счастья». Одновременно с этим можно ожидать появление какого-то противовеса этой демократии (не возрождение ли партии в каком-то новом облике?).

Ясно только одно — Октябрь завершается абсолютным единовластием Сталина. (2).

Не вступил ли режим в замкнутый круг нарастающего своего крушения? Чем больше Сталин расстреливает и преследует свой аппарат, тем больше, даже его собственное окружение становится ему опасным. Начинает как будто создаваться революционная ситуация, сперва один против всех, затем все против одного. Очевидно, сейчас на верхушке страх перед Сталиным связывает руки, но может наступить критический момент, когда страх же и толкнет всех к свержению опасного деспота. Террор всегда вызывается страхом. Власть страха охватила весь советский мир и очевидно больше всех обьет им сам «великий вождь народов».

История заговора Тухачевского темна, и неизвестно, что принес бы новый Бонапарт России. Личность его для нас мало ясна, а в прошлом связана с пролитой им кровью; тень Троцкого так же мало способствовала надеждам, возлагавшимся на этот военный заговор. Сталинский террор не щадит никого. Но когда мы видим, что наравне со злейшими врагами родины уничтожаются и лучшие представители современной России, становится страшно, и поневоле приходит мысль: не закончится ли период «величайшего вождя» новым величайшим крушением? (3) Не вовлечет ли при этом обваливающийся режим всю страну в бездну хаоса, которым на этот раз уже без сомнения воспользуются враги России?

Есть ли сейчас силы, способные в самый критический момент взять власть и спасти страну? Аппарат настолько исподличался (Сталин его и строит по «подлому» признаку), что на него мало надежды. Армия взята в руки... (обезглавлена?). Новое поколение

(2) Это явление можно назвать и «фашизацией октября». Действительно, Сталин не оставил без внимания опыты фашистских стран.

(3) Трагедия армии определяется, главным образом, тем, что диктатор боится всякой растущей рядом с ним силой; для обороноспособности же страны, сильная армия, с выдающимися руководителями, необходима. Боязнь войны — есть также боязнь Сталина перед армией.

политически еще не созрело, а та национальная, революционная оппозиция (в противовес контр-революционной), представители которой сейчас сидят в ссылках и тюрьмах, навряд ли достаточно организована, чтобы разрешить этот сложный вопрос.

Чрезвычайно будет интересно поэтому узнать, как проявит себя на деле новая конституция. Результаты выборов очевидны до голосования. Однако, интересно, как будет «разворачиваться» Сталин с новыми «демократическими» депутатами.

Сталин хочет на них опереться, но конституция может оказаться палкой о двух концах. Чрезвычайно важно будет так же узнать, сможет ли новая конституция (при всей лживости ее осуществления) удержать страну от нового разгрома при ликвидации сталинизма. Возможно, что сможет и что Сталин поторопился себя с ней связать. Взрыв нового террора — не есть ли это запоздалый страх перед выборами?

Морально коммунистический режим совершенно сгнил. Решающим явился факт полного разрыва между господствующей еще теорией марксизма и психологией марксиста — сталинца.

Действительно, троцкисты, бухаринцы, рыковцы, зиновьевцы — эти подлинные марксисты психологически совершенно непригодны для какой бы то ни было национально-творческой работы. В их борьбе со Сталиным идеологическая правда (с точки зрения марксизма) несомненно на их стороне, но зато историческая — всецело на стороне того процесса, с которым связался Сталин. Оказалось, однако, что весь аппарат заражен марксистской, троцкистско-бухаринской психологией, психологией возможной измены отечеству, оправданной с точки зрения интернационализма, и Сталин отлично понял, что именно здесь скрыт разрушительный яд вредительской стихии.

Личная диктатура Сталина растет автоматически на противоречиях идеи и психологии.

Сталин теперь и переключается с кадров идейных на кадры психологически-надежных, на непартийных большевиков. Идеиное питание масс получает все более и более прикладное значение, и заменяется психологическим воспитанием. Действительно, сталинцы не могут быть идеологически насыщены, обратное было бы почти абсурдом. Наоборот, психологически их облик должен быть весьма прост и его легче обрисовать.

Схематически сталинцев можно разделить на три группы:

1) Небольшая группа «идейных виргуозов», подгоняющих марксизм под сталинизм. Это — профессиональные «трюкачи» старой марксистской школы. Может быть среди них есть уже и такие, которые понемногу, сознательно или полусознательно готовят почву для новой социальной, национальной идеологии, связывая ее с историческим прошлым России. Но об этом судить еще трудно.

2) Аппаратчики, карьеристы, подхалимы всех толков и мастей. Это, по видимому, основной кадр аппарата, совершенно безидейный. Их цель преуспеть за счет своего соседа, в угоду начальству. Это тип предателей, провокаторов, шпионов (тип характерный для всей советской жизни). Пока что Сталин заставлял и учил предавать ради

него, всех и вся. Но в общем этот элемент не надежен, именно в силу своей беспринципности и аморальности. Доверие и самого Сталина к нему относительно, о чем свидетельствуют периодические «чистки» и эта группа служит одновременно и опорой и козлом отпущения.

3) Третья группа — это довольно широкие круги труящихся, техников, военных, преданных делу строительства, верных сынов своей родины. Этот элемент идеологически примитивен, зато психологически ясен и здоров. Все его существо устремлено на реальное дело, его он ценит и любит по настоящему. Сталину он верен, как строителю. Этот элемент принадлежит к советской элите, он пользуется всеми благами красивой и счастливой жизни, он слагает веселые и бодрые песни, он также чувствует себя и хозяином. Ему все ново, поэтому все слишком ясно и слишком просто, он чувствует, что ветер истории дует в его паруса, он верит в силу своей страны. Остальной мир ему мало известен.

Это тот самый «сталинец», которого всюду выставляют на показ: на экране, на фотографиях, на спортивных площадках, на заводах; который всех пленит своей русской свежестью, простотой, душевностью и веселой удалью. Это человек новой формации, совершенно чуждый марксистской психологии. Сквоза и грязь, захлестнувшая советские верхи, как будто мало затрагивают эту группу, как и широкие массы обывателей. Они вне политики чувствуют себя относительно безопаснее, и из инстинкта самосохранения ее избегают. Однако неизвестно, не выйдут ли уже из этой среды «ясные головы» борцов со сталинским режимом. Может быть их уже много, но о них мало слышно.

Во всяком случае этот новый мир (который, естественно, 3-ей группой сталинцев не ограничивается), не приветствовать нельзя. Нас охватывает восторг и гордость от героических перелетов через полюс и Арктических побед героев, полных русской скромности. Мы искренне рукоплещем хору Красной Армии и замечательным спортивным и военным парадом на экранах, от которых так и дышет новой молодой и бодрой Русской жизнью.

Но, очевидно, подхалимство настолько обязательно в условиях небывалой диктатуры, что и героям приходится произносить «слова великому Сталину», от которых невольно становится стыдно и больно, особенно теперь, когда на Сталина вновь легла тягчайшая ответственность за очередную разруху, пролитую кровь, падение авторитета Армии, ослабление обороноспособности и сдвиг международных позиций.

Чем объясняется эта, унижающая их достоинство, лесть? Есть ли это боязнь? (Это после полюсов-то!). Хитрость? Скромность? Привычка? Непонимание?..

«Новый Человек» нам во многом уже близок и понятен, но многое, из того, что творится в его душе и голове, еще скрыто от нас. Некоторые стороны его «характера» внушают беспокойство, особенно в виду грядущих испытаний, вся тяжесть которых (и историческая ответственность) ляжет на его плечи. Наступает момент, когда судьба страны окажется всецело в его руках, и будем верить, что он окажется верным и достойным сыном своей Великой Родины.

за и кое какие доказательства тому имеются уже на лицо. Пусть только этот новый человек как следует поймет, что расплачиваться придется всетаки именно за похабный Брест-Литовский мир, ибо поражения истории и нация не прощают никогда.

В ы в о д ы :

Сталинизм ознаменовал эпоху русской революции, когда заканчивалось разрушение до основания старого мира и началось материальное строительство нового мира на социалистических началах. Эта эпоха, проходящая под знаком небывалого террора, эксплуатации труда государственным капитализмом и угнетения всякой духовной свободы, подготовила всетаки почву для возможного возрождения души нашей Родины на новых социальных и экономических началах, чуждых капитализму и буржуазности. Это обстоятельство дает России возможность оказаться впереди других народов и открыть миру новые пути в будущее.

Наступает решительный момент в жизни нашей страны, в виду увеличивающейся угрозы войны.

Сталин стоит одной ногой в пережившем себя марксистском мире, другой же шагнул в новый — грядущий мир. Он принужден стабилизировать свое двойственное положение, в то время, как расстояние между этими мирами быстро увеличивается. Диктатор обьят страхом от раскрывающейся под ним пропасти. Сталин желал бы быть водителем Новой России, но данных для этого у него нет и быть не может. Отсюда террор. Задерживая естественный ход развития, Сталин создает революционную ситуацию, которая грозит разразиться революцией, могущей иметь тяжелые последствия для страны, особенно если она нагрянет во время войны и если в советском веледем отборе не найдутся национальные силы, способные произвести переворот, избежав революционного разгрома и военного поражения.

Страх диктатора заставил его обратить особое внимание и на эмиграцию, показав ей, что боится ее больше, чем она сама думала.

Новый русский человек, который придет на смену сталинизму, нуждается больше всего в новых обще-мировых, национальных и социальных идеях, способных заменить идеологический хаос сталинизма.

Задача эмиграции, отмежевываясь от поражения и избегая фашистского ярлыка, (фашизм теперь — синоним внешнего врага), — вырабатывать эти идеи, так как только в подлинной национальной, исторической культуре и в духовной свободе ее, эмиграции, преимущества над внутри-русскими силами.

З а к л ю ч е н и е :

При ликвидации Сталинизма желательно в интересах народа и России:

1) Чтобы Сталинская диктатура заменилась подлинно народной, но исключительно сильной властью, т. е. чтобы восторжествовало вновь право над бесправием и своеволием.

2) Чтобы экономически Страна осталась социалистической, т. е., чтобы основные орудия производства остались в руках государства и общества; чтобы велась борьба с эксплуатацией человека другим человеком (или организмом), во имя социальной справедливости.

3) Чтобы, в первую голову, был сокрушен режим «тоталитарного гнета» над человеческой личностью.

4) Чтобы на смену одной тоталитарной доктрины не пришла другая тоталитарная доктрина.

2. Провокация

Эмиграция получила очередной политический урок. Будет ли он правильно понят всеми? Вот вопрос. Надо напречь все усилия, чтобы урок не прошел даром.

Эмиграция оказалась пронизанной провокаторами, и среди них «знакомые все лица». Провокацией, оказалось, заражен целый ряд политических группировок...

Постараемся логически и совершенно объективно разобраться в тех путях и тропах, которые ведут к провокации.

Ясно, что провокация стремится разложить и, в конечном счете, захватить в свои руки политические эмигрантские организации. Захват, конечно, является целью, а разложение есть только метод, переходная стадия на пути к конечному результату.

Чем безидейнее организация, чем меньше она занимается идеологическим воспитанием своих членов, чем меньше уделяет внимания идеологической (свободно-творческой, духовной и культурной) работе, — тем легче действовать провокации, так как идеология не ее удел.

Действительно, чем слабее идеология, (например, непредрешенчество), чем ярче «активизм», чем больше центр тяжести переносится на чисто организационные задания — тем легче провокация действует, так как за ширмой «тактики», «организаторства» и, наконец, в особенности, «активизма» легче всего провокатору хорошо себя зарекомендовать и выдвинуться (вспомним Азефа).

Провокации нужно прежде всего убить душу и выветрить дух организации, так как в них основная сила. Дух же, это свободный творческий порыв, проявляющийся всюду, в особенности же на идеологических высотах, где он для провокации просто недостижим — ибо знаменует искание Правды. Удушение духа, подмена идеологии — фразеологией и формализмом, если и не всегда является делом провокации — во всяком случае ей способствует.

Если провокатор - разлагатель сеет сомнения, раздоры, разводит сплетни и наговоры на руководителей, то провокатор - захватчик старается пролезть как можно выше путем особенной ревности, «преданности», «жертвенности», создавая себе ореол «твердокаменного», «убежденного, ни в чем нигде и никогда не сомневающегося, волевого и «популярного» человека. Такой субъект, ясно, особенно заботится о своем авторитете, желает довести его до степени

абсолюта и ежели добрался до ответственного поста и власти, то, конечно, дисциплину «подтягивает» и строго карает всякого сомневающегося или недостаточно преданного подчиненного, стаякая к себе уважение недальновидных начальников и таковых же подчиненных.

Часто были случаи, когда, гримируясь под героя (самая подходящая маска), провокатор отдавал себя всецело политической работе, «питаясь», якобы идеями (на самом же деле, как это часто выяснялось, мало в чем себе отказывая в частной жизни). В этом провокаторы и их сподручные часто «затирают» честных работников, т. е. последние имеют недостаток уклоняться от такой «жертвенности» по скромности и по нежеланию обременять организацию и своих товарищей. Поэтому вообще «специалисты по политике» являются одновременно и самыми необходимыми людьми, но и самыми опасными, в особенности же тогда, когда их роль не идейно ее направляющая, а в политической нечестности заподозрить трудно. Подлинное же водительство возможно лишь при наличии богатого идеологического содержания.

В стадии разложения провокация подготавливает как бы революцию, которую сама же (через других, может быть лиц) готовится и завершить с пользой для себя и с захватом власти. В этот период необходимо тем или иным способом «выжить» или упразднить всех наиболее самостоятельно мыслящих, влиятельных, а главное просто честных, морально устойчивых и идейно настроенных членов.

Моральность есть несомненно основной враг провокации, так как по существу (ради каких бы высоких целей она не проводилась) провокация сама по себе глубоко аморальна и честный, устойчивый человек не только на нее не пойдет, не только на нее не попадется, но чутьем, по аморальному «запаху» может часто ее и угадать. Действительно, всякий политический руководитель должен в первую очередь заботиться о своем и своих сотрудников безупречном моральном облике. В эмиграции часты случаи небрежного отношения к деньгам, к легким и «нетрудовым» заработкам, к не совсем почтенным профессиям и источникам доходов... Многие лица, явно морально подмоченные, не встречают со стороны ни просто общества, ни товарищей по организации, ни даже ответственных руководителей, должного сурового суда. Честность считается, увы, далеко не существенным качеством в политической работе! Здесь я говорю о самой обыкновенной общепринятой общественной морали. Люди морально неустойчивые легко становятся орудием в руках провокации и вербовка интересных агентов (чем выше, тем интереснее), идет по этому признаку. Человека стараются морально потопить и утопающего покупают за спасительную соломенку.

Здесь, конечно, возможны самые разнообразные формы завладения человеком, от прямой покупки, до косвенной и завуалированной зависимости.

Провокация есть искусство обмана. Одна из самых ее распространенных форм — это сделаться «plus royaliste que le roi», как по отношению к той или иной политической идее, так и по отноше-

нию к руководителям политической организации (на современном языке, подхалимство).

В период продвижения вверх такой метод вполне логичен и обычен.

В порядке организации «внутренних линий», подготовляющих захват власти после «революции», этот метод отбора людей и следовательно по признаку «бесзаветной», слепой и безрассудной преданности всякому начальству весьма пригоден. С одной стороны он помогает отделить наименее самостоятельно мыслящих, наиболее наивных от более трезвых и критически настроенных, с другой стороны за 200%-ной «верностью» провокаторам легче укрыться, чем за 80%-ной (максимум человечески возможной честной, вполне сознательной приверженности и лояльности до 100% не доходит, так как всегда сопряжена с искренними колебаниями, критической оценкой и т. п.). Добавим, что в таких условиях о широкой идеологической работе и об идейном воспитании (различать от полит-натасканности) не может быть и речи.

Еще Ленин говорил, что если требовать лишь одного подчинения, то соберутся одни дураки...

Есть и еще хорошая русская поговорка: «услужливый дурак опаснее врага»; кстати сказать, враги, т. е. провокаторы, всегда поддерживают хорошие отношения с дураками.

«Внутренние линии» вполне понятный и логический метод провокаторской работы и, конечно, она может принимать самые различные виды от вышеописанного до создания конспиративной «пассивнейшей» организации. Чем ближе организация по своему духу, методам работы и психологии людей приближается к провокационной деятельности, тем больше шансов, что эта организация сама является очагом провокации. Это очевидно, и верх берет материально более сильный.

Борьба между двумя контр-разведками и агентствами государственных органов уходит глубоко в подполье, где щупальцы тесно переплетаются, в результате чего нельзя разобраться где чья рука.

Бороться с государственными организациями под силу только таким же государственным организациям и никакие «храбрые» и бравые рассуждения тут неуместны. Надо всячески оберегать эмиграцию от наивных и глупейших стремлений к подобного рода деятельности, как неизбежно ведущей (как это уже неоднократно было доказано) в лапы ГПУ или аналогичных органов.

Эмиграция является лакомой приманкой для разного рода темных сил и логично думать, что ГПУ и т. п. выбрало эмигрантские политические организации для учреждения в них своих центров. Если до революции агенты охраны сидели (и весьма высоко) во всех революционных организациях, то теперь только самый наивный человек может усумниться в том, что Сталин действует не менее успешно.

В эмиграции организации так называемого «военного толка» страдают тем, что эмигрантская «военная психология» совершенно непригодна для политической борьбы. Организационную доктрину, в основу которой поставлен принцип безоговорочного подчинения на-

часть стау на военный лад, ошибочно считают наиболее забронированной от провокации. Действительно, если руководство местное, опытно и умно — провокатору трудно пробраться на верхи, но если есть изъян и провокатор добирается до власти, то тогда «крышка», если даже он располагает властью частично, то компрометирует все руководство.

Подведем итоги.

Эмиграция в целом подвергается методичной и великолепно организованной провокации, располагающей огромными средствами. Этой атаке, естественно, подвергаются все без исключения организации. Цель провокации — скомпрометировать эмиграцию в целом, как перед лицом Русского народа, так и перед лицом тех государств, у которых эмиграция нашла приют, а также и использовать ее для своих темных дел.

Бороться с этим однородными контр-методами можно только при наличии огромных средств, большого революционного опыта и исключительно высоко квалифицированных политических кадров. Всех этих данных, главное средство (а появиться они где нибудь, к их происхождению должно отнестись со всей осторожностью) в эмиграции нет, или чрезвычайно мало. Поэтому этот способ надо совершенно отбросить, как чрезвычайно вредный и негодный.

Надо всецело обратить внимание на ту атмосферу, те условия, при которых провокация зарождается и развивается. Это моральный климат широкой эмигрантской массы и в особенности ее политической — активной части.

Кампания дезинфекции должна быть широко развита именно в области морально-бытовой и требования морального характера должны быть повышенные, принимая во внимание политическое, культурное и историческое значение Русской эмиграции. Такие качества, как честность, порядочность, благородство и честь (в лучшем смысле этого слова) должны требоваться от всех и каждого, независимо от его политических убеждений. Очаги морального разложения должны подвергнуться изоляции и уничтожению. Никакого злорадства по поводу сорвавшегося эмигрантского политического противника быть не должно.

Всякая политическая организация обязана отвечать перед всей эмиграцией за морально-общественный облик своих членов и в первую очередь своих ответственных руководителей. Нельзя забывать, что центр тяжести человеческой ценности — в личной жизни, в этом лучшем зеркале человеческого «внутри». Моральный облик политических работников должен быть ясен всем. Лица, играющие политическую роль, не могут под предлогом отдачи себя всецело делу, идти на компромиссы морального порядка.

С другой стороны, по тем же причинам, следует обмежеваться от всяких попыток «подражания Сталину» в области психологической. Единственно допустимая в эмиграции тактика — это непримирное отношение к сталинскому режиму.

Наконец, отметим, что политическая работа в эмиграции должна, главным образом, развиваться в области идейного творчества, на почве широкой и глубокой культурной работы. Это область наиболее защищенная от провокации и наиболее целесообразная с точки зрения настоящего политического момента и реальных возможностей. Естественно, она должна прежде всего выражаться в печатном слове. Сталинско-Ежовскому застенку надо противопоставить широкий единый фронт — мощного идейного творчества на почве подлинной духовной свободы.

Могут найтись затронутые этой статьей, которые обвинят меня в том, что я сею недоверие. Нет, я не сею недоверие, наоборот, я требую доверия на основе моральной чистоты и призываю всех и каждого к бдительности.

А. А. Дабунев.

Русская Церковь и Революция

Марксизм в основание исторического процесса полагает экономику и из нее выводит все остальное. Духовная сторона жизни самостоятельного значения для него не имеет. Всякой религии он объявляет беспощадную борьбу.

Главным, основным врагом марксизма является христианство. Совершенно прав Бердяев утверждая, что «марксизм в гораздо большей степени противоположен христианству, чем капитализму... Он есть восстание земного, человеческого царства, против царства Божьего, царства небесного».

Первой добычей марксизма, опытным полем для его экспериментов, оказалась Россия. Как это могло произойти? Ведь Русский народ почитался «народом - богоносцем». Достоевский за несколько десятков лет до марксистской революции мог утверждать, что «Русская вера, Русское Православие есть все то, что только Русский народ считает за свою святыню, в ней его идеалы, вся правда и истина жизни».

Вся история Русского народа складывалась под непрерывным воздействием христианства. Влияние Церкви сказывалось во всех областях жизни. Вера в Бога была источником творческой энергии Русских людей, главным двигателем всяческого прогресса. Это признается всеми историками. Особенно ярко роль христианства в процессе исторического развития Русского народа выявлена Ключевским в его известной речи, посвященной пр. Сергию Радонежскому. Даже в современной России официальная историческая наука, продолжая признавать себя марксистской, принуждена была признать эту «прогрессивную роль христианства» в истории России. Такое признание со стороны «марксистов» в высшей степени знаменательно. Это — признак того, что официальные толкователи марксизма в современной России, цепляясь за марксистскую этикетку, на самом